UOT 39

РЕНА ИБРАГИМОВА
доктор философии по истории,
доцент кафедры Археологии и Этнографии
Бакинского Государственного Университета
rena.ibrahimova.historian@gmail.com

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ НАРОДАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ XIX ВЕКА

DOI: https://doi.org/10.36719/2708-065X/103/169-174

Данная статья посвящена этнографическому изучению горских народов Северного Кавказа (карачаевцев, балкарцев, адыгов, ингушей) на основе письменных источников XIX века. Эти народы в этот период еще не имели письменности, поэтому исследование данных письменных источников является важным средством для выявления о них необходимой информации. Особую роль в жизни населения играли адаты, регулирующие семейно-брачные и общественные отношения в обществе. Природные условия позволяли заниматься различными отраслями производства

Ключевые слова: Северный Кавказ, письменные источники, хозяйство, семейный быт, обычаи, кровная месть, социальные классы.

Введение. Изучение народов Северного Кавказа в этнографическом аспекте невозможно без исследования письменных источников, написанных в различные периоды и посвященных описанию материальной и духовной культуры, особенностей семейного быта, сословной принадлежности, адатов, этикета, религии местного населения. Авторы: путешественники, ученые основывались на своих личных наблюдениях и материалах предыдущих источников.

***

Известия иностранных авторов являются одним из важнейших источников при изучении истории любого народа. Адыги, балкарцы, карачаевцы, ингуши и другие горцы Северного Кавказа на протяжении длительного периода своей истории были бесписьменными, и потому известия иностранных писателей служат часто единственным источником для восстановления их древней и средневековой истории. Один из авторов Жан-Шарль де Бесс - венгерский ученый в 1829 году проехал по территории Карачая, ознакомился с жизнью и бытом карачаевцев. Считая карачаевцев (так же, как и балкарцев и осетин-дигорцев) народом, родственным венграм, Бесс уделил их описанию особое внимание. Он отметил, что карачаевцы одеты в черкесскую одежду, которую переняли не только все жители Кавказа, но также и казачьи офицеры. Карачаевские всадники превосходно держатся в седле, они очень ловки и прекрасные стрелки. Карачаевцы отличаются прекрасной осанкой, выразительными чертами лица, приятной внешностью и гибкостью тела. Они говорят на тюркском языке и являются мусульманами. Касаясь вопросов семейного быта, Бесс отмечает, что хотя многоженство дозволено, но браки в основном моногамные, а карачаевские мужчины хорошие мужья и отцы [1, с.333]. Обычно карачаевские князья женились на дочерях кабардинских узденей, а те в свою очередь вступали в брак с дочерями карачаевских князей; в этом последнем случае калым превышал 1000 рублей и выплачивался оружием и скотом [2, с.426]. Бесс пишет, что земли Карачая плодородны, на них выращивают пшеницу, ячмень и особенно просо, здесь много заливных лугов для прокорма домашнего скота. Особенно славятся лошади местной породы, разводят также волов и овец, ослов, мулов. Карачай богат своими прекрасными и обширными лесами, в которых водятся различные животные, бесчисленными холодными и целебными источниками. Карачаевцы имеют торговые отношения с соседними народами. Так, оружие: ружья, пистолеты и сабли они получали от черкесов и абхазцев, у ногайцев и черкесов покупают различные металлы. У русских они получают хлопчатобумажные ткани, шелк, трубки для курения и табак,

иглы [2, с.428]. Сами карачаевцы занимались кожевенным делом. Из козьих шкур вырезают завязки для обуви или разрезают на очень тонкие полоски, используемые вместо ниток для шитья. Имеретинцы покупают у карачаевцев сукно, войлок, которыми покрывают полы в жилищах, ценные меха лесных животных, капюшоны - башлыки. Родственные им балкарцы также умело изготавливали войлочные бурки, качественное сукно, войлок, башлыки и меха [2, с.430]. В источниках отмечается, что карачаевцы очень серьезно и достойно относятся к воспитанию детей: сын, который не подчинился воле отца и не исправился, несмотря на его неоднократные увещевания, может быть приведен к дверям мечети, где его в присутствии всех жителей деревни уговаривают изменить свое поведение. Если это не дает результата, родители навсегда изгоняют нерадивого сына из родного дома. Таким образом, воспитание детей носило общественный характер [2, с.427]. Жестко наказывались прелюбодеяние и соблазнение девушки или замужней женщины. Приговор выносят старейшины, которые чаше всего решают изгнать виновного навсегда из деревни. Отец изгоняет дочь из дому, муж – свою провинившуюся жену без права возвращения. Зачастую соблазнителя убивают, а семья виновной покидает родные края и поселяется в отдаленных местах, чтобы скрыть позор от своих соотечественников. Но такое случается очень редко [2, с.426].

Сообщения различных авторов об адыгах позволяют получить достаточно верную информацию о различных сферах их жизни в этнографическом аспекте. Один из авторов Мориц Вагнер оставил ценные сведения о социальном устройстве адыгского общества. Так, он пишет, что черкесская знать, т.е. ворки-рыцари, составляют самое большее 1/5 часть или 1/10 часть многочисленных адыгов. Только они владеют земельной собственностью, рабами и имеют голос в совещательных собраниях. Эти ворки и более знатные представители княжеских домов, которых называют «пши», заключают браки только с девушками равной по происхождению семьи и таким образом сохраняют чистоту расы, благородство крови и фигуры, красоту лица, гордость в осанке и особенную утонченность в движениях, манерах и разговоре. Всяким родством с плебеем, даже когда он свободный человек и сделался богатым благодаря торговле, пренебрегается. [3, с.630]. Сведения Бесса дополняют эту социальную иерархию. Он пишет, что третье сословие в адыгском обществе составляют отпущенники князей и узденей, которые тем самым стали узденями. К четвертому сословию принадлежат отпущенники этих новых дорян, и к пятому сословию крепостные [1, с.374]. Известный ученый Карл Кох после двух путешествий на Кавказ отмечает, что обществом черкесов управляют народные собрания, которые разбирают все уголовные дела и устанавливают меру наказания. Причем, при обсуждении и вынесении приговора должны были присутствовать все старейшины из участвующих в нем кланов, в противном случае собрание считается неправомочным для вынесения решений. Но, некоторые преступления, такие как нарушение супружеской неверности и убийства, рассматриваются в тех семьях, в которых они произошли. За убийство мстит семья убитого по законам кровной мести, которая имела широкое распространение на востоке Кавказа. Виновный в преднамеренном убийстве должен был заплатить штраф в размере стоимости двухсот быков, другой скотины или рабами. Такую значительную цену за кровь редко кто мог заплатить и, поэтому семья и род убийцы обязаны были пополнить недостающую сумму из своих средств. Пока не выплачена цена крови, убийца вынужден прятаться. С ее выплатой прекращается всякое преследование. Если же семья и род не имела возможности оказать материальную помощь для выплаты цены крови, то убийцу передавали семье убитого или бросали в море. Семья пострадавшего могла виновника убить, или продать в рабство. Если убийство произошло по неосмотрительности, то убийца платил только половину цены крови. За убийство женщины или девушки семьи требовали вполовину меньше быков. Социальное неравенство проявлялось в цене крови. За дворянина у абадзехов требовалось заплатить 30 рабов, а за убитого члена общины – 11 рабов. За убийство раба виновник должен был заплатить его стоимость. Надо отметить, что убийство женщины или раба, было редким явлением. Род убитого получал 2/3 или 3/4 от суммы цены крови, а остальное достается его семье. Но черкесы при убийстве одного из своих родственников из чувства уважения отказывались от принятия цены крови, считая, что кровь смывается только кровью. Кровная месть между

семьями длилась до тех пор, пока убитый не был полностью отомщен. Таким образом, в результате кровной мести уничтожались семьи, а иногда и целые роды. Не смывший кровь своего близкого родственника кровью, подвергается презрению и исключению из рода. Действие законов способствовало предупреждению преступлений, так и кары за совершенное преступление. Поэтому каждый человек, совершая преступление, отдавал себе отчет, что он совершает преступление не только против пострадавшего, но также и против собственного рода, так как все его члены были связаны круговой порукой [4, с.587].

Человека, погибшего от рук врага, вдова и дети оплакивали гораздо дольше. Вдова каждый день посещала могилу мужа, громко выражая свою скорбь, бичуя себя и вырывая свои волосы [4, с.624]. Определенный штраф налагался на виновного и за повреждение какой-либо части тела у человека. За повреждение правой руки пострадавшего виновный платил 50 быков, за удар саблей в лицо или в грудь оценивается в 10 быков. За ранение женщины штраф значительно снижается [4, с.588]. Но убийство женщины у ингушей считалось грехом [5, с.177]. У ингушей нельзя было мстить, если рядом с кровником находилась женщина. Одним из самых больших преступлений считалось нарушение супружеской верности. У черкесов, хотя женщины обладали большой свободой, но преступления такого рода совершались очень редко. Муж имел полное право убить нарушителя супружеской верности, если застиг его на месте преступления, но все равно подвергался кровной мести, однако цена крови при этом значительно ниже; штраф составлял в размере стоимости 40-60 быков. Обычно вопрос решался между обеими сторонами и не выносился на рассмотрение народного собрания. Соблазнивший чужую жену мужчина платил штраф в размере стоимости 25 быков. Такую же сумму должен заплатить мужчина, соблазнивший девушку. [4, с.588]. Жена, виновная в прелюбодеянии, была полностью во власти мужа. Если он ее убивает, то ее родственники за нее не мстили. Однако Тэбу де Мариньи отмечает, что за нее мстят или отец, или старший брат. Иногда муж наказывал жену членовредительством: отрезал ей нос или уши, выбривал волосы на голове, обрезал рукава ее одежды и в таком виде отправлял ее обратно к родителям [7, с.307]. Женщину родственники сразу убивали или продавали, но, несмотря на это, за этот позор мужу мстили. Поэтому муж редко совершали убийство жены. В большинстве случаев муж сам наказывает свою жену в кругу семьи и берет на себя вину за то, что мало уделял ей внимания. Похитившей девушку против ее воли ингуш, мог получить убежище и покровительство в доме влиятельного, известного человека, так как даже в таком случае отказать в гостеприимстве не полагалось [5, с.206]. Семье девушки приходилось пойти на примирение с женихом и согласиться на обычный выкуп, вместо крупного. Но если родным девушки удавалось скоро настигнуть похитителей, то виновников убивали. Подвергшаяся насилию насильно похищенная девушка могла отказаться от брака с оскорбившим ее человеком и вернуться в отцовский дом. Она имела возможность выйти замуж, но только за мужчин в возрасте, либо в бедную семью. В прошлом такое оскорбление чести дома нередко смывалось кровью похитителя [5, с.207]. Редким случаем был увоз чужой невесты. Это могло кончиться смертью похитителя или самого жениха. По адату за увоз чужой невесты платилось 90 коров жениху, но даже это не может привести к примирению с обиженной стороной жениха и родителей невесты (если родители виновны в увозе невесты, то и они платят жениху 40 коров) [6, с.169].

Воровство относилось к обычным преступлениям и наказывалось только тогда, когда вор застигнут на месте преступления. Каждый молодой человек прославлялся грабежом и привлекал внимание предполагаемых невест. Но воровство в семье или в роду жестоко наказывалось. Вор должен был возместить хозяину стоимость в девятикратном размере. При каждой следующей попытке воровства наказание увеличивается и, будучи пойманным в третий раз, вор должен заплатить штраф в размере 200-х быков, или же его убивают. Поэтому внутри рода царили полное доверие и безопасность. Если же воровство было совершено у чужого рода или у чужого племени, и вор застигнут на месте преступления, он должен возместить стоимость украденного только в двойном размере. Но на Западном Кавказе даже и такое воровство наказывалось строже, чтобы избежать ссор, расследовалось присяжными, и наказание за него выносило народное собрание. Обязательно допрашивали свидетелей, которые свои высказы-

вания подтверждали клятвой. Демократические принципы народного собрания позволяли преступнику защищать себя перед судом. На народном собрании обсуждаются обязанности по отношению к старикам и обязанности гостеприимства. У черкесов пожилые мужчины и женщины пользуются особым уважением и заботой. Оскорбивший их человек подвергается не только всеобщему презрению, но на народном собрании после обсуждения ему назначают нужную кару. Гостеприимство, зародившееся еще в первобытном обществе, было широко распространено на всем пространстве Кавказа. Существовал строгий этикет гостеприимства, обычаям которого обучали еще с детства. Каждая семья была обязана предоставить гостю теплый кров, постель и еду, а также обеспечить его безопасность. Если жизни гостя кто-то угрожал, то хозяин дома защищает его, и каждая обида, нанесенная гостю, воспринимается им как своя собственная. Даже собственного врага надо было принять в доме и защищать его от внешнего нападения. Того, кто предал бы гостя, постигло бы всеобщее презрение. Самое меньшее его исключили бы из клана, к которому он принадлежит. Прежде такого человека сталкивали в пропасть. Для гостя готовилось богатое застолье, в котором могли принять участие хозяин и все члены семьи, но есть могли только то, что им предложит гость. Все богатые семьи имели, как правило, особое строение для гостей - кунацкую. Дж.А.Лонгворт пишет, что при входе в гостевой дом его встретил хозяин - черкес, собственными руками снял с него оружие и развесил его на стене. Усадив гостей, сам хозяин оставался на ногах, выказывая им свое уважение. До обеда он несколько раз угощал Лонгворта просяным пивом (буза) Специально для гостей приготовили разные мясные блюда. По обычаю гости угостили едой слуг, присутствовавших в кунацкой. Лонгворту были приготовлены подарки: черкесские туфли и шальвары. На прощание он подарил жене и дочери хозяина музыкальную шкатулку, набор иголок и куски сафьяна, что вызвало у них восторг и восхищение [8, с.541]. Если у семьи не было кунацкой, то хозяин вынужден при посещении гостя переселить свою семью в дом к соседям. Если местность была опасной и незнакомой для гостя, то хозяин давал ему вооруженных провожатых. Покидая гостеприимный кров, гость и хозяин часто обменивались подарками и становились кунаками, т.е. друзьями, готовыми в нужный момент оказать друг другу помощь. Таким образом, обычай гостеприимства мог связать крепкими узами условного родства незнакомых людей. Пока гостеприимство не было нарушено убийством или нарушением супружеской неверности отношения поддерживались. Этнограф Алиева Патимат ссылается на сведения информатора, который отмечает, что их ингушская семья была состоятельной, имела большое поголовье домашнего скота, много молочных продуктов, пчелиных ульев, поэтому принимали всех нуждающихся в приюте путников, которых сытно кормили и давали ночлег [5, с.173].

На Кавказе главой семьи является отец. Он обладал неограниченными правами и лично управлял большой патриархальной семьей. Женщины у черкесов наравне с мужчинами принимали участие в празднествах, но на народные собрания их не допускали. Семьи традиционно были многодетными. Сыновья, женившись, оставались в семье Воспитание в зажиточной семье ребенка, в особенности мальчика, происходило за пределами семьи. С младенчества его отдавали в семью, стоящую на более низкой социальной ступени. Такая система воспитания называется «аталычество». Существование аталычества связывают с беспрерывными феодальными усобицами на Кавказе, чтобы молодые отцы не были обременены воспитанием своих детей и не отвлекались от военных дел. По другой версии мальчиков намеренно лишали материнской любви, под влиянием которой он мог бы вырасти изнеженным, не приспособленным к стойкости, военной отваге. Но на воспитание аталыку передавали нередко и девочек, так что эти версии себя не оправдывают. Обычай аталычества является одним из способов установления условного родства между семьями различного социального происхождения. Воспитатель - аталык и его жена, принимая ребенка в свою семью, становились его названными родителями. По этому поводу он устраивал праздник, на который приглашались родственники и знакомые. Аталык должен был обо всем заботиться для своего воспитанника: обеспечить пропитание и одежду кормилице и младенцу; затем подарить ему оружие и научить обращаться с ним, подарить ему лошадь, научить его верховой езде, охоте, в первый раз ведет

его на битву. Единственное, что он при этом получает, это большая часть добычи. Все это аталык делает ради чести породниться с княжеским или дворянским домом, получить в нужном случае защиту и помощь от семьи своего воспитанника. Аталык все свои средства тратил на воспитанника, лишая своих детей самого необходимого. В течение этого времени родители не интересовались ребенком, так как это считалось недостойным поведением. Достигший совершеннолетия юноша с разрешения родного отца возвращался в отчий дом. Это была торжественная, многолюдная, красочная церемония, на которой участвовало от 300 до 500 человек. Каждый из гостей привозил подарок для родителей. Прилюдно происходит официальное признание князем сына. С этого дня воспитатель имеет право беспрепятственно входить в княжеский дом и считаться почетным членом семьи. В Карачае, согласно адату, князья могли вступать в аталыческие отношения с княжескими родами соседних народов. В этом случае аталычество носило политический характер и не приводило к установлению вассально-сюзеренных отношений, являясь инструментом международной дипломатии. Чаще всего такие отношения устанавливались с балкарскими, кабардинскими и сванскими княжескими семьями [9, с.157].

Заключение. В XIX веке на Северном Кавказе господствовали адаты, на основании которых регулировались взаимоотношения в семье, роду и племенах. Адаты регулировали и жизнь народов Северного Кавказа (карачаевцев, балкар, адыгов-кабардинцев, ингушей) в различных областях: семейном быте, общественных и социальных отношениях. Рассмотренные в статье адаты позволяют создать четкую картину народного управления обществами, соблюдение определенных табу и традиций в различных общественных институтах: совет старейшин, уважение пожилых, кровная месть, аталычество, гостеприимство. Важное место в письменных источниках занимают сведения о хозяйственной жизни и торговле населения, а также ремеслах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жан-Шарль де Бесс. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг. в книге В.К.Гарданова. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XII – XIX вв. Нальчик, «Эльбрус», 1974, 632 с.
2. Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа, ч.1-3.1836. В книге В.К.Гарданова. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XII-XIX вв. Нальчик, «Эльбрус», 1974, 632 с.
3. Вагнер Мориц. Кавказ и земли казаков в годы с 1843 по 1846 гг., т.1-2. В книге В.К.Гарданова. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XII-XIX вв. Нальчик, «Эльбрус», 1974, 632 с.
4. Кох Карл. Путешествие по России и в кавказские земли, т.I. В книге В.К.Гарданова. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XII-XIX вв. Нальчик, «Эльбрус», 1974, 632 с.
5. Акиева П.Х. Рождение. Свадьба. Смерть. Историко-этнографические архетипы ингушей. СПб., 2914, 273 с.
6. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследования и материалы 1892-1894 гг. М., 2008, 169 с.
7. Тэбу де Мариньи. Путешествие в Черкессию. В книге В.К.Гарданова. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XII-XIX вв. Нальчик, «Эльбрус», 1974, 632 с.
8. Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов, т.I-II. В книге В.К Гарданова. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XII-XIX вв. Нальчик, «Эльбрус», 1974, 632 с.
9. Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М., 2001 429 с.

RƏNA İBRAHİMOVA
Bakı Dövlət Universitetinin Arxeologiya və Etnoqrafiya kafedrasının dosenti, tarix üzrə fəlsəfə doktoru

XIX ƏSRİN YAZILI MƏNBƏLƏRİNDƏ ŞİMALİ QAFQAZIN BƏZİ XALQLARI HAQQINDA ÜMUMİ MƏLUMAT

Məqalə Şimalı Qafqazın daglı xalqlarının (qaraçaylılar, balkarlar, adıqlar, inquşlar) XIX əsr mənbələri əsasında etnoqrafiyasının öyrənilməsinə həsr olunmuşdur. Bu xalqların XIX əsrdə hələ yazıları olmadığına görə onların haqqında lazımı məlumatlar əldə etmək üçün yazılı qaynaqların təhlili mühüm əhəmiyyət kəsb edir. Adətlər əhalinin içtimai və ailə-nigah həyatında önəmli yer tuturdu. Zəngin təbii şərait istehsalatın bir sıra sahələrini inkişaf etdirməyə imkan verirdi.

Açar sözlər: Şimali Qafqaz, yazılı mənbələr, təsərrüfat, ailə, adətlər, qan qisası, sosial təbəqələr.

RENA IBRAHIMOVA
Doctor of Philosophy in History, Associate Professor of the Department of Archeology and Ethnography Baku State University

GENERAL INFORMATION ABOUT SEVERAL PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS IN THE WRITTEN SOURCES OF THE XIX CENTURY

This article focuses on ethnographic research concerning the mountainous peoples of the North Caucasus, namely Karachais, Balkars, Adyghe (Circassians), Ingush drawing from written sources originating in the 19th century. As these communities did not possess a writing system during this period, the analysis of these written records stands as a crucial method to ascertain essential information about them. Adats, which governed familial, marital, and societal relationships, held a significant role in the lives of these populations. The diverse natural environment facilitated engagement in various sectors of production.

Keywords: North Caucasus, written sources, economy, Family life, Customs, Blood feud, Social classes.

Məqalənin redaksiyaya daxil olduğu tarix: 23 noyabr 2023-cü il.
Məqalənin çapa qəbul olunma tarixi: 21 dekabr 2023-cü il.
Rəyçilər: t.e.d. Qüdrət İsmayılov, t.e.d. Qabil Əliyev.